

Ф. ПИНТОС*

Историю делает народ** (Из воспоминаний делегата IV конгресса Коминтерна)

В апреле 1921 года Социалистическая партия Уругвая приняла решение вступить в III Интернационал, приняв «двадцать одно условие». Год спустя, по решению исполнительного комитета партии, я выехал из Монтевидео в Москву, чтобы оформить вступление и представлять партию на IV конгрессе Коммунистического Интернационала.

Еще по дороге я узнал, что срок созыва конгресса перенесен с июля на ноябрь, — таким образом, мне представилась возможность ближе познакомиться с жизнью великого государства рабочих и крестьян.

В апреле 1922 года я приехал в Москву. Незадолго перед этим в стране была подавлена контрреволюция, а от иностранной интервенции оставались отдельные очаги на Дальнем Востоке. Владивосток, правда, еще находился в руках японцев, однако вскоре доблестные воины Красной Армии освободили и этот город.

В Москве стали ощущаться первые результаты новой экономической политики (нэп). Но к восстановительным работам здесь еще не приступали, и во внешнем облике столицы как бы отражались виденные мною по дороге картины: сожженные, почерневшие здания, пустые окна которых зияли, будто провалы огромных глаз; стены и ограды разрушены артиллерийским огнем, изрешечены пулями. Помню, я стоял на углу Тверской и бульвара, у подножия памятника Пушкину. Отсюда были видны горы обломков — все, что осталось от военной школы. Движение в городе было затруднено; из-за оттепелей стали непроходимыми улицы и тротуары — повсюду ямы, наполненные водой и грязью.

Жизнь все еще была трудна. Обо всем этом я имел представление по сообщениям рабочей печати, по рассказам возвращавшихся из России путешественников, с которыми мне

* *Франсиско Рикардо Пинтос* (1889–1968) — уругвайский деятель рабочего и коммунистического движения, историк-марксист, политический публицист. С молодых лет принимал участие в рабочем движении, в 1914 г. вступил в Социалистическую партию Уругвая.

** Воспоминания Ф.-Р. Пинтоса «Историю делает народ» впервые опубликованы в журнале «Иностранная литература», 1959, № 3.

приходилось встречаться в Германии, направляясь в Москву, по расклеенным на стенах Гамбурга и Берлина плакатам с призывами помочь голодающим Поволжья. Однако увиденная мною в московской гостинице «Люкс» выставка фотодокументов о трагедии районов, охваченных засухой, произвела на меня ужасное впечатление.

Столица испытывала недостаток во многом: не хватало продовольствия — мяса, рыбы, овощей; исчезло молоко; то, что называлось черным хлебом, попросту было почти несъедобно. Недоставало, естественно, обуви, одежды, медикаментов. Найти аспирин было проблемой неразрешимой!

Но зато царили оптимизм и вера в будущее. Рабочий класс, отдавший много сил борьбе, был готов на любые подвиги ради спасения революции, ради новой жизни, чтобы только идти вперед — к социализму. Он верил руководству большевистской партии, во главе которой стоял Ленин.

Весь советский народ работал без отдыха, спасая людей, обреченных на голодную смерть империалистическими державами, которые блокировали Советскую страну, надеясь, что голод, отчаяние, смерть тысяч мужчин, женщин и детей довершат дело вооруженной интервенции. Можно привести сотни примеров самоотречения, самопожертвования и героизма: рабочие шли добровольно на сверхурочные работы, на лишения, чтобы как можно больше продовольствия и одежды поступало в опустошенные районы. Я помню, что рассказывали о тех, кто сопровождал железнодорожные составы, направлявшиеся на Волгу. Люди ехали в вагонах, переполненных продуктами, — и хотя в течение многих часов сопровождающие не имели крошки во рту и некоторые еле-еле держались на ногах, однако не было случая, чтобы кто-нибудь из них дотронулся до консервной банки: то, что они везли, считалось священным и неприкосновенным.

В одной из корреспонденций, посланных мною из Москвы в уругвайскую газету «Хустисиа», я писал: «С полной уверенностью можно утверждать, что весь советский народ выражает доверие своей партии и своему правительству; народ убежден, что только партия и правительство с помощью пролетариата и масс смогут вывести Россию из того положения, в котором она оказалась после семи с лишним лет войны и контрреволюции. Увеличение продукции уже заметно: крестьяне, узнав, что город направит им за отданные ему излишки урожая промышленные товары, обрабатывают все больше земли. Из внутренних районов страны поступают хорошие известия: прошли обильные дожди — и состояние посевов обещает богатый урожай. Что касается

промышленной продукции, то, несмотря на нехватку сырья, она продолжает расти. С окончанием гражданской войны ряд заводов, занятых ранее производством военных материалов, переоборудуется; многие предприятия восстанавливаются, что позволит выпускать больше тканей, обуви, больше сельскохозяйственных машин, больше орудий производства вообще.

Одна из самых важных проблем, ожидающих своего разрешения, — это проблема транспорта, в частности железнодорожного... Сейчас реконструируются некоторые железнодорожные ветки, производится срочный ремонт подвижного состава... Я видел прибытие четырех полусмонтированных паровозов, доставленных на прицепе. Глядя на эти паровозы, люди аплодировали: они-то хорошо знали, что каждый пущенный в эксплуатацию паровоз уменьшает затруднения с транспортом...

Конечно, еще надо пройти длинный путь, прежде чем будет достигнуто полное восстановление национальной экономики. Опустошения огромны, разруха велика, и это мешает быстрой нормализации жизни в обедневшей стране, где промышленность не достигла высокого развития и где в течение четырех лет остро ощущались последствия преступной блокады».

Вечер 30 апреля. Москва приняла праздничный вид. Везде, куда не взглянешь, здания украшены зелеными гирляндами и красными флагами. Большие транспаранты на карнизах призывали напрячь силы для увеличения производства, напоминали о неотложных задачах и многократно повторяли лозунг трудящихся всего мира: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Все говорило о том, что московский пролетариат готовится достойно отпраздновать Международный день трудящихся.

«Два года здесь не проводились Первомайские демонстрации, — писал я в газету “Хустисиа”. — Ввиду напряженного положения в стране этот день посвящался особым сверхурочным работам — недостаток испытывался абсолютно во всем, и надо было использовать все возможное, чтобы выпускать больше продукции. В текущем году, поскольку условия жизни в стране в основном улучшились, было решено образцово отметить этот день и продемонстрировать международному капитализму, что русский народ поддерживает и защищает свое правительство, что русские люди готовы на все, чтобы удержать завоеванные победы...

Программа празднования отличалась скромностью и привлекательностью. Бойцы великой Красной Армии собрались на Красной площади и здесь дали клятву верности Родине, народу, делу пролетариата. Дисциплинированные и хорошо вооруженные, они маршировали стройными рядами, а над ними — на большой

высоте — разворачивалась эскадрилья самолетов, на крыльях которых поблескивала советская эмблема».

Одобряюще подействовал вид колонн молодых людей, одетых в красноармейскую форму, на тех из нас, кто привык считать армию слепым орудием буржуазии, готовой всегда обрушиться на трудящихся, которые борются за улучшение условий жизни и работы; многие из нас на наших митингах видали вооруженную до зубов полицию. В большинстве своем эти юноши уже боролись за революцию, а сейчас восторженно праздновали вместе со своими братьями по классу великий Международный день трудящихся.

Закончился военный парад, и началась демонстрация. Было невозможно хотя бы приблизительно подсчитать, сколько народу участвовало в демонстрации, но, чтобы дать представление о ее размерах, достаточно сказать, что несколько часов демонстранты шли стройными слитными рядами. Проехали грузовики и автобусы с детьми Поволжья, спасенными от голодной смерти.

Особое внимание я обратил на то, что в демонстрации участвовало много женщин и детей. Свободные женщины, активные участницы революции, также с полным правом праздновали день трудящихся. Шли дети, люди будущего, у которых формируется новое мировоззрение: дети — залог и гарантия того, что дело, так трудно начатое, будет ими закончено. А над этой веселой, воодушевленной толпой развевались тысячи красных знамен, древки которых сжимали мускулистые руки рабочих или с трудом удерживали женские руки.

Можно утверждать, не боясь ошибиться, что в демонстрации участвовала почти вся Москва — или шагая в рядах демонстрантов, или с тротуаров аплодируя им.

До позднего вечера продолжались шествия. Повсюду стихийно возникали собрания и образовывались группы, которые хором пели «Интернационал» и русские революционные песни, а лучи прожекторов освещали небо.

Уже ночью, устав от продолжительной ходьбы, я вернулся в свой номер в гостинице «Люкс», надеясь разобраться во множестве впечатлений. Я твердо знал, что теперь смогу с полной ответственностью заверить моих уругвайских товарищей: Советское правительство непоколебимо, и революция, несмотря на все трудности, будет продолжать свое поступательное движение.

Получив приглашение на собрание в Московский университет, я подготовил записную книжку и карандаш, надеясь, как обычно, задать много вопросов, однако вышло как раз наоборот — отвечать пришлось мне.

Как только я появился в переполненном зале, было объявлено, что пришел делегат Уругвайской компартии в Коминтерне, и я стал жертвой самого настоящего штурма. Посыпались вопросы. Все хотели услышать о моей стране, о ее обычаях, политической жизни и прежде всего о том, в каких условиях находится рабочий класс, о его организованности, его завоеваниях.

Спустя два дня мне все же удалось, в свою очередь, разузнать об университете. На квартире у Инессы Арманд я встретился с Н. К. Крупской, которая работала в Народном комиссариате просвещения, и она подробно рассказала мне об университете, его работе и, кроме того, об условиях жизни и учебы студентов. «Несмотря на все трудности, — сказала товарищ Крупская, — университет развивается, равно как и все учебные заведения нашей страны. Я уверена, что вскоре будет налажено и дело издания учебников».

«Если учитывать трудности, созданные годами войны и революции и отсутствием иностранной помощи, — писал я тогда в газету “Хустисиа”, — то станет ясно, что экономическое возрождение России идет семимильными шагами, открывая во всех отношениях благоприятные перспективы.

Ввиду провала Генуэзской и Гаагской конференций и отсутствия в настоящее время возможностей вступить в прямые отношения с большинством капиталистических стран, советский народ мог надеяться только на себя — и это заставило его удвоить энергию, чтобы вывести страну из тяжелого экономического положения, в котором она оказалась после стольких лет разрухи и жертв.

Однако все позволяет прийти к выводу, что советский народ выполнит свою миссию, разбив надежды тех, кто думает, что без помощи извне Советское государство неминуемо погибнет».

Положение Советской Республики, улучшавшееся медленно, но последовательно с первых месяцев 1922 года, резко изменилось к июлю: со всех концов страны приходили воодушевляющие известия — и день ото дня менялся внешний облик, менялась и сама жизнь Москвы. Столица выглядела совсем иначе. Больше людей было на улицах и бульварах, оживился транспорт; ремонтировали тротуары и мостовые, восстанавливали здания, торопились покрасить крыши до наступления осенних дождей, укладывали рельсы трамваев. Открывались новые рынки, и увеличился приток крестьян, привозящих сельскохозяйственные продукты. Уже не было недостатка в овощах и фруктах; 15 июля впервые появился белый хлеб. С каким удовольствием мы ели маленькие «французские» булочки! В аптеках уже продавались лекарства, а в магазинах можно было достать продукты, одежду и обувь.

Это был полный триумф политики, предназначенной Лениным и партией.

Благодаря решительным мерам, а особенно в результате успешного проведения нэпа было покончено с голодом на Волге. Крестьяне отвечали доверием на доверие, проявленное к ним партией и правительством; расширилось производство, значительный толчок получила легкая промышленность и, пока в меньшей степени, тяжелая. Ежедневно в печати сообщалось о восстановлении и пуске новых фабрик и мастерских.

В большой корреспонденции, написанной в Москве о достижениях революции и опубликованной в газете «Хустисиа» 7 ноября 1922 года, я свидетельствовал: «Результаты новой экономической политики не заставили себя ждать. Утвердилось доверие. Несмотря на трудные условия разрухи и недостаток сырья, страна стала развиваться относительно быстрее. Положение заметно улучшилось, внутренний мир обеспечен, и нет никаких симптомов того, что он может быть нарушен.

Однако борьба против буржуазии и на экономическом фронте будет не менее трудной, чем на полях сражений. Частичное допущение капитализма создало новую буржуазию — за ней надо внимательно следить, чтобы помешать распространению ее влияния на некоторую часть масс.

В одной из своих последних речей Ленин заявил, что никаких других уступок капитализму не будет сделано. Так есть, и так будет, ибо это мнение великого революционера. И мы верим, что пролетарское государство преодолет все препятствия в нынешней обстановке».

В первые месяцы моего пребывания в Советской России я разделял вполне объяснимое беспокойство пролетариата и всего народа великой социалистической страны о здоровье Ленина. Из-за недостаточной информации и противоречивых слухов беспокойство это все нарастало, пока 24 сентября 1922 года не было официально заявлено, что Владимиру Ильичу значительно лучше.

Поэтому я поспешил послать в «Хустисиа» корреспонденцию, в которой опровергал утверждения буржуазной прессы об остром кризисе в ходе болезни Ленина и даже о его мнимой смерти.

«Ленин не умер, — писал я, — он сохраняет полную ясность мысли, его не разбил паралич, и нет никаких оснований так предполагать. Мы с радостью можем это засвидетельствовать и в доказательство можем представить фотографии вождя русской революции, снятые в санатории, где он еще находится».

Идя навстречу пожеланиям тысяч советских рабочих, встревоженных противоречивыми известиями о здоровье Ленина и жела-

ющих узнать истину, газета «Правда» опубликовала 24 сентября специальное приложение с фотографиями Председателя Советов Народных Комиссаров. Тираж полностью разошелся через несколько часов после выпуска; все наперебой покупали газету.

Отмечая безграничную любовь рабочего класса и всего советского народа к Ленину, я писал в «Хустисиа»: «Мы, коммунисты, не верим слепо в то, что великие люди всемогущи и что ход истории может быть изменен в соответствии с их желаниями. Нет, историю делают народы ценой самоотверженности и борьбы. Однако мы не принадлежим к числу тех, кто отрицает роль руководителей и учителей, в известных условиях ведущих массы к великим победам и вносящих свою лепту в дело совершенствования человечества. Великий вождь пролетарской революции является именно одним из таких людей».

Наша радость возросла, когда в последних числах октября было объявлено, что Ленин выступит на ноябрьских заседаниях IV конгресса Коммунистического Интернационала. С этого момента я с нетерпением ждал дня, когда мне доведется познакомиться с Лениным. Впервые я увидел Ленина 13 ноября 1922 года. Он выступил перед делегатами IV конгресса Коминтерна с одной из своих больших речей. Как он сам сказал, из-за неважного состояния здоровья эту речь он произнес в сокращенном виде. Это был доклад о первых пяти годах русской революции и перспективах революции мировой.

Тринадцатого ноября зал, где происходили заседания конгресса, был переполнен. Присутствовали абсолютно все делегаты, гости заняли отведенные им места.

Вдруг открылась небольшая дверь, и вошел Ленин. Быстрым и нервным шагом он направился к трибуне.

Словно подброшенные пружиной, все мы встали — и оглушительный гром аплодисментов приветствовал великого вождя мирового пролетариата. Мы долго аплодировали, не обращая внимания на жесты Ленина. Наконец он начал свое выступление.

Ленин говорил по-немецки. Слушая перевод сидевшей рядом со мной сотрудницы аппарата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, я стал внимательно смотреть на Ленина, чтобы запечатлеть в памяти его облик, жесты. Да, у него был вид человека, перенесшего серьезную и длительную болезнь; давала себя знать усталость, и крупные капли пота показывались на лбу и на висках. Однако все это не мешало ему проявлять временами свою исключительную энергию, когда он подчеркивал самые важные места доклада.

Ленин не производил впечатления выдающегося оратора в обычном смысле этого слова, но сразу же стало ясно, что это — человек, умеющий прекрасно излагать свои мысли, что это — великий вождь масс, который их прекрасно знает и понимает и который умеет говорить о важнейших и глубоких вещах очень просто, без всякой риторики. Он говорил, поглядывая на заметки, лежавшие на трибуне, а затем бросал взгляд на аудиторию, как будто хотел убедиться в том, что его правильно поняли.

Так, Ленин разъяснял нам, что в то время и в условиях Советской Республики представлял собой государственный капитализм; какие усилия прилагала партия и правительство для проведения новой экономической политики и какие значительные успехи в этом были достигнуты; какое значение имеет для страны, для дальнейшего ее экономического развития стабилизация рубля. Он говорил о возрастающем доверии со стороны крестьян, о росте производительности крестьянского труда, об успехах легкой промышленности.

Перейдя затем непосредственно к международным проблемам, Ленин рассказал, в какой форме должна быть выработана программа Коммунистического Интернационала, чтобы она была понятна руководителям и членам коммунистических партий и ее можно было бы успешнее проводить в жизнь.

Ленин закончил свой доклад. Мы снова поднялись и долго ему аплодировали. Затем раздались звуки «Интернационала»; мы пели на многих языках, и от наших голосов дрожали стекла в высоких окнах Кремлевского дворца...